

Таким образом, семантическая структура слова является подвижным образованием. Представляется, что увеличение ЛСВ слова связано с человеческим мышлением, познанием предмета или явления более детально, открытием новых и неизведанных граней в казалось бы известном и знакомом; в ряде случаев – с осмыслением объекта под другим углом зрения, зависящем от господствующего мировоззрения в обществе на различных ступенях его развития. Разви-

тие мышления и обнаружение новых граней объекта продуцируют актуализацию периферийных и потенциальных сем, нейтрализацию ядерных, что приводит к изменению состава и статуса дифференциальных сем, преобразованию их иерархии. Все эти процессы ведут к появлению новых семем в рамках семантической деривации, наиболее продуктивные модели которой были представлены в данной статье.

Поступила в редакцию 29.12.2006

Источники и принятые сокращения

Игн. Пут. – Записки Игнатия чернеца о путешествии митрополита Пимена в Царьград и Иерусалим; *Киевск. Псалт. 1397* – Киевская Псалтирь

1397 г. М., 1978; *ЛЛ 1377* – Лаврентьевская летопись 1377 г. (Полное собрание русских летописей. Том первый). М.: Языки русской культуры, 1997.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М., 2005.
2. Левицкий В.В. Семасиология. Винница, 2006.
3. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

УДК 801.3

О.И. Блинова

ТИПОЛОГИЗИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

Томский государственный университет

Выявлению роли внутренней формы слова (ВФС) посвящена незначительная часть исследований. В имеющихся публикациях (см. работы А.А. Потебни, Ш. Балли, В.В. Виноградова, Г.Г. Шпета, В.Г. Гака, Н.Г. Комлева, Д.Н. Шмелёва, Н.И. Мигириной, В.Н. Телия, Е.С. Кубряковой, Е.Н. Земской, Н.Д. Голева, М.Н. Яценецкой и др.¹) называются или рассматриваются лишь отдельные, далеко не все, функции ВФС, присущие ей как компоненту лексических единиц (ЛЕ), в рамках которых она выполняет свои функции. Попытка создать типологию функций ВФС и их систематизацию представлена в ряде работ автора статьи [1, с. 114–124; 2, с. 13–17; 3, с. 16–23], в них же дано определение ВФС, из которого

Внутренняя форма вместе со слогофонемной структурой и с грамматическим строем – это главное, что придает национальный колорит языку.

Н.Г. Комлев

автор исходит: ВФС – морфосемантическая структура слова, позволяющая осознать взаимообусловленность его звучания и значения [3, с. 16]. Структуру ВФС образуют: мотивационная форма (МФ) – значимые сегменты (или сегмент) звуковой формы слова, обусловленные его мотивированностью, и мотивационное значение (МЗ) – значение (синтез значения) мотивационной формы слова [3, с. 16]. Ниже дается схема ВФС *змеевик* ‘камень горной породы зеленого цвета с разнообразными оттенками – от почти черного до светло-фисташкового’:

ВФС — { МФ: ЗМЕЕВИК
МЗ: камень <цвета> змеи²

¹ Более полный список см. в [12].

² Прописными буквами выделена МФ, в толковании МЗ в фигурные скобки заключены слова, не выраженные МФ.

В числе основных функций ВФС – коммуникативной, экспрессивно-эстетической, когнитивной [3, с. 16–23] – выделена функция типологизирующая, связанная с выражением национального колорита языка, его типа, типических признаков, которые формируются не только за счет его общих черт, свойственных ряду языков, но и за счет специфических, присущих данному языку, отличающих его от других языков [1, с. 122].

ВФС и выполняет типологизирующую функцию «вместе со слогофонемной структурой и грамматическим строем» языка [4, с. 67–68]. Эту функцию ВФС можно выявить только в итоге сопоставления одного языка с другим.

В истекшее десятилетие защищен ряд кандидатских диссертаций, посвященных мотивационно-сопоставительному исследованию трех тематических групп русского языка – орнитонимов, фитонимов и предметно-бытовой лексики – в сопоставлении с украинским, польским [5], французским [6], английским [7], немецким [8] языками. Полученные результаты нашли отражение в десятках публикаций, что подготовило более чем достаточную базу для анализа тех составляющих, которые реализует ВФС, выполняя типологизирующую роль.

Итак, под **типологизирующей функцией ВФС** понимается такая ее роль, которая служит для отражения типологических черт языка: его общности с другими языками и его самобытности, национальной специфики, которая выявляется посредством сопоставления словарного состава языка в аспекте его мотивированности с другими языками по разным параметрам, включая как те, которые имеют общеязыковой характер, присущий всем языкам или их части, так и те, которые составляют своеобразие языков. К первым параметрам следует отнести семантическую универсалию – мотивированность как свойство слова, единственным средством выражения которого служит ВФС во всех своих разновидностях [3, с. 16–18], эксплицирующих разные типы мотивированности (морфологический, семантический, морфолого-семантический и др. [3, с. 46–47]), ко вторым – параметры, свойственные одним языкам и отсутствующие в других. К их числу относятся: 1) набор мотивировочных и номинационных признаков, также выражаемых ВФС; 2) набор средств экспликации мотивировочных и классификационных признаков ВФС; 3) набор и соотношение ЛЕ с тем или иным типом ВФС (метафорическим/неметафорическим); 4) соотношение ЛЕ с разным типом мотивированности [3, с. 20–21]; 5) процентное соотношение в лексике языка мотивированных, полумотивированных и немотивированных слов [9, с. 18] и т.д.

Рассмотрим некоторые из названных параметров с учетом результатов осуществленных исследо-

ваний. Но прежде приведем статистические характеристики задействованного материала. В орбиту мотивационно-сопоставительных штудий вовлечено свыше 2800 ЛЕ ранее названных языков, рассмотренных в рамках психолингвистических экспериментов, в ходе которых получено 180 000 показаний метаязыкового сознания носителей языков [5, с. 3; 6, с. 5; 7, с. 5; 8, с. 5–6]. Кроме того, что очень важно, аналогично и корректно осуществлена методика мотивационно-сопоставительного анализа соотносительных ЛЕ избранных языков [10, с. 68–69]. Все это обеспечивает достаточную степень достоверности получаемых выводов.

Из соображений краткости не приводим иллюстративный материал, подтверждающий типологизирующую функцию ВФС при выражении мотивированных ЛЕ исследованных тематических комплексов, равно как и все данные экспликации типов мотивированности, видов ВФС – все это полно продемонстрировано в диссертационных работах и опубликованных статьях. Эти параметры, богато иллюстрированные, служат доказательством типологизирующей роли ВФС, обеспечивающей картину общности части лексического корпуса сопоставленных языков.

Рассмотрим некоторые из тех параметров, анализ которых показывает типологизирующую функцию ВФС, направленную на отражение своеобразия, национальной специфики языков.

1. Это проявляется посредством выражения ВФС мотивировочных (МП) и номинационных признаков (НП) ЛЕ сопоставляемых языков. Выявлено, что в русском языке среди наименований птиц преобладают МП и НП, связанные с *голосом птицы* (*гага*. МП = НП: голос «га-га»; *кряква*. МП = НП: крякает; *кукушка*. МП = НП: кукует; *пищуха*. МП = НП: пищит; *свиристель*. МП = НП: свиристит; *трубач*. МП: трубит, НП: громкий, трубный голос) и с *местом их обитания* (*гуменник*. МП: <обитает на> гумне, НП: обитает на полях; *каменка*. МП: <живет на> камнях, НП: устраивает гнезда на камнях; *иволга*. МП = НП: <обитает около> ив; *каменушка*. МП = НП: <обитает на> камнях; *камышевка*. МП = НП: <обитает в> камышах; *крапивник*. МП = НП: <обитает в> крапиве; *могильник*. МП = НП: <обитает на> могильных <холмах>). Ср.: «наименования птиц английского языка, МП которых связан с голосом птицы, составляет только 10 % по сравнению с орнитонимами русского языка» [10, с. 73]. В наименованиях птиц французского языка доминирующим МП является признак, связанный с *манерой поведения птицы* (30 %) [10, с. 74] и внешним видом [6, с. 14].

Мотивационно-сопоставительный анализ другой тематической группы – наименований растений, в которой выделено 10 МП на материале рус-

ского и английского языков, также представляет данные для реализации типологизирующей функции ВФС посредством выражения МП, связанного с особенностями *жизнедеятельности растений*: в русском языке он доминирует [10, с. 71] (*дрёма*. МП: <заставляет> дремать, НП: днем лепестки смыкаются, как бы дремлют; *заразика*. МП: <сорная трава, все> заражает. НП: сорное растение, подобно заразным болезням, иногда полностью уничтожает посевы).

Конкретных примеров несовпадения МП и НП соотносительных ЛЕ много. Некоторые из них: рус. *гладиолус*. МФ: ГЛАДиолУС, МЗ: растение <с> гладкими <листьями>, *шпажник*. МФ: ШПАЖ/НИК, МЗ: растение <с листьями, похожими на> шпагу, и укр. *косарики*. МФ: КОСАрики, МЗ: растение <с листьями, похожими на> косу; рус. *шиповник*. МФ: ШИПовНИК, МЗ: растение <с> шипами и укр. *свербивус*. МФ: СВЕРБИ/ВУС, МЗ: растение, <от которого> чешется под усами. Широко известный пример с наименованием *подснежник*: во французском языке *persneique* (просверливающий снег), в английском *snowdrop* (снежная капля).

Мотивационно-сопоставительный анализ ВФ фитонимов русского и французского языков вывел новые типологические черты обоих языков в наборе МП, выделив в их среде *простые*, состоящие из одного сегмента, например *душица*, *вязель*, *ivte* (*ivte* – пьяный), и *сложные*, состоящие из двух сегментов мотивирующей части ВФС, например *синеголовник*, *тысячелистник*, *зверобой*, *подснежник*, *conbeille-d'argent* (корзина серебра) [5; 6, с. 15], что характерно для других индоевропейских языков и языков уральской семьи: *василек* – удм. *лыз сяська* и *лыз йыр* (синий цветок и синий + голова), мокш. *розь панчф* (рожь + цветок); *колокольчик* – удм. *гырлы сяська* (колокол + цветок), мар. *корак-дойаш* (ворона + штаны), англ. *hare-bell* (заяц + колокол) [11, с. 129].

Наличие простых и сложных МП подтверждает ВФС предметно-бытовой лексики русского и немецкого языков. Причем в русских ЛЕ доминирует простой МП (90 %), выраженный чаще именной лексемой (59 %) (*сахарница*, *кровать*, *чайник*, *коробка*, *масленка*), а в немецких словах преобладает сложный МП (77.5 %), выраженный двумя и более существительными (53 %) (*Handtuch* – полотенце, от *Hand* – рука, *Tuch* – платок), *korkenzieher* – штопор, от *korken* – пробка, *ziehen* – вытаскивать) [8, с. 17].

2. Типологизирующая функция ВФС более ярко, наглядно реализуется благодаря средствам экспликации МП/НП и признака классификационного (КП), демонстрирующих самобытность, неповторимый национальный колорит каждого языка, своеобразие и уникальность его типа.

В выражении МП/НП близкородственные языки, в данном случае славянские – русский, украинский, польский – имеют немало совпадений (*мухоловка* – *мухоловка* – *tucholówka*, *бородач* – *бородач* – *brodacz*, *глухарь* – *глухар* – *gluszc*, *нырок* – *нырок* – *nurok*), хотя большей частью звуковая «одежда» МП/НП различается (*варакушка* – *синьшыйка* – *podrozniczek*, *вертишейка* – *крутиголовка* – *kretoflow*, *зарянка* – *вильшанка* – *rudzik*) и не только за счет разной «слово-фонемной структуры языков», но и за счет метафоризации, выбора разных ассоциатов при номинации, разных НП и т.д. Например, русскому орнитониму *зеленушка* в польском языке соответствует *dzwoniec*: различие их МП обусловлено различием избранных НП (цвет – звук). Существенность различия МП ЛЕ языков разных семей в комментариях и объяснении не нуждается.

Более разнообразно выражена звуковая форма КП, отраженная в формантной части ВФС.

КП у орнитонимов русского языка выражается посредством следующих формантов: -КА (*утка*, *галка*, *сивка*, *зарянка*, *кукушка*), -НИК (*курганник*, *песочник*, *веретенник*, *стервятник*), -ИЦА (*горлица*, *синица*, *клушица*), -ОК (*чирок*, *вьорук*, *топорок*, *зимородок*), -ГА (*иволга*, *пустельга*), а также посредством -АЧ (*деркач*), -ИК (*кулик*), -УХА (*пищуха*), -АН (*орлан*) и др.

У орнитонимов украинского языка – посредством -КА (*сивка* ‘ржанка’, *трясихвистка* ‘трясогузка’) -АНКА (*кропивянка* ‘славка’, *вильшанка* ‘малиновка’), -ИК (*повзик* ‘поползень’, *юрик* ‘стриж’), -НИК (*поручайник* ‘поручейник’, *підкоришник* ‘пищуха’), -ЕЦЬ (*норець* ‘подорожник’, *топірець* ‘тупик’) и др., в польском – посредством набора формантов: -КА (*turkawka* ‘горлица’, *poswierka* ‘дубровник’), -ЕК (*piecuszek* ‘весничка’, *skowronek* ‘жаворонок’), -АК (*kaluziak* ‘щегол’, *czerwonak* ‘фламинго’), -АЧ (*grzywacz* ‘витютень’, *derkacz* ‘коростель’) и др.

В области формантов тематической группы предметно-бытовой лексики, выражающих КП, имеется своеобразие русской мотивированной лексики в сопоставлении с немецкой, которое «состоит в преобладании *эксплицитного* КП, формально выраженного во ВФС» (96%), в то время как в немецком языке преобладает *имплицитный* КП (60%), характерный для сложных слов-композиций» [8, с. 18], содержащих в структуре мотивированной ЛЕ компонент второго МП, выполняющего роль аффиксоида: *Halbschuh* полуботинок, *Sportschuh* кроссовок, *Hausschuh* тапочек.

За рамками данной статьи остается еще несколько параметров, не названных выше, характеризующих рассматриваемую функцию ВФС. В их числе

процентное соотношение *образных* и *необразных* наименований в разных языках: выявлено, что русский язык значительно уступает французскому по количеству образных названий; доля ЛЕ с метафорической ВФС среди орнитонимов составляет в русском языке 29.4 %, среди фитонимов – 38.6 %, а во французском языке их соответственно 46 % и 57 % [6, с. 15].

В их числе несоответствие ЛСВ соотносительных номинаций не только по *семантике*, но и по *коннотации*: ср. рус. *жаба* ‘о мерзком, отвратительном человеке’ с отрицательной оценочностью и чеш. *žabka* ‘о милой девушке’ – с положительной.

«Национально-культурная специфика коннотации, – подчеркивает В.Н. Телия, – локализуется во внутренней форме наименования» [13, с. 49]. И многое другое.

Обращение к серии опубликованных работ по сопоставительной мотивологии А.Д. Адиловой, О.И. Блиновой, И.Е. Козловой, А.С. Филатовой, Н.А. Чижик [12, с. 18, 22–28, 44–45, 61–63, 64] позволит завершить знакомство с остальными параметрами, иллюстрирующими типологизирующую функцию ВФС, убедиться в многообразии и своеобразии языковых средств ее воплощения.

Поступила в редакцию 29.12.2006

Список условных сокращений

ВФС – внутренняя форма слова; КП – классификационный признак; ЛЕ – лексическая единица; МЗ – мотивационное значение; МП – мотивировоч-

ный признак; МФ – мотивационная форма; НП – номинационный признак.

Литература

1. Блинова О.И. Внутренняя форма слова и ее функции // Русистика сегодня. М., 1995. № 2.
2. Блинова О.И. Внутренняя форма слова и фигуры речи // Теоретические и прикладные аспекты филологии: Сб. науч. трудов, посвященных 10-летию кафедры русского языка и литературы Томского политехнического университета. Томск, 2003.
3. Блинова О.И. Словарь терминов мотивологии // Блинова О.И. Русская мотивология. Томск, 2005.
4. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
5. Адилова А.Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1996.
6. Козлова И.Е. Специфика явления мотивации слов в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999.
7. Филатова А.С. Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.
8. Чижик Н.А. Мотивационно-сопоставительный аспект исследования предметно-бытовой лексики русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
9. Блинова О.И. Сопоставительная мотивология // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Ч. 1. Томск, 1994.
10. Савенко (Филатова) А.С. Особенности осознания мотивировочных признаков носителями русского и английского языков // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Вып. 5(56). Серия: Гуманитарные науки (филология). Томск, 2006.
11. Кузнецова А.И. Типология внутренней формы слова в уральских языках // Проблемы документации исчезающих языков и культур: Материалы междунар. конф. «21-е Дульзеновские чтения». Ч. 1. Уфа – Томск, 1999.
12. Мотивология: Библиографический указатель / Сост. О.И. Блинова, А.С. Филатова. Томск, 2004.
13. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.